

УДК 81'23
ББК 81.001.3

О.А. Жарина

**КАТЕГОРИЯ
ИМПЛИЦИТНОСТИ КАК
ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ:
КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД**

Статья посвящена рассмотрению категории имплицитности с позиций когнитивной лингвистики. Выявляются основные когнитивно-мыслительные предтекстовые операции при порождении текста, выраженные имплицитно в готовом произведении; приводится классификация предтекстовых категорий презумпций и пресуппозиций, анализируются их роль при порождении текста.

Ключевые слова: текст, дискурс, категория имплицитности, предтекстовые когнитивно-мыслительные операции, предтекстовые категории, презумпции, пресуппозиции.

Жарина Ольга Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8-908-177-93-10
E-mail: undina79@list.ru

В настоящее время не существует единой классификации категорий текста. Это объясняется, во-первых, тем, что отсутствует единое определение понятия «текст», и, во-вторых, как следствие этого, выделяются разные основные признаки и свойства явления, понимаемого под этим термином.

Остановимся на проблеме дефиниции «текста». В лингвистической литературе нет единой точки зрения на то, с каким классом явлений следует соотносить текст: считать ли его высшим уровнем языковой системы, стоящим над предложением, или рассматривать его как сугубо речевое явление, так как порождается он в процессе коммуникации и является продуктом речевой деятельности, т.е. дискурса. В связи с этим одно направление в исследовании текста связано с отнесением его к явлениям речи, и поэтому при описании текста делается упор на признаки, раскрывающие его коммуникативные возможности [Лосева, 1980, с. 45; Колшанский, 1983, с. 4], а другое – основано на познании грамматической природы текста, описании его грамматических признаков [Гальперин, 1981, с. 18]. Это различие исходных позиций находит свое отражение в определениях текста, содержащихся в лингвистической и методической литературе. Однако большинство исследователей едины в том, что текст является одновременно единицей языка и речи, так как именно он способен выразить законченное высказывание, передать ком-

муникативное намерение человека, участвующего в речевом общении [Москальская, 1981, с. 11]. Кроме того, в основе построения и реализации определенных речевых произведений лежат общие принципы и закономерности. Текст обладает собственными категориями, собственной внутренней структурой, что позволяет признать его моделируемой воспроизводимой единицей языка [Малычева, 2003, с. 16].

Мы придерживаемся определения текста, предложенного Н.В. Малычевой, согласно которому текст – основная единица не только языка, но и речи. Он синтезирует языковые и речевые свойства различных входящих в него единиц и содержит «концепцию коммуникативно и когнитивно заданного фрагмента действительности» [там же, 17].

Второй основной проблемой в понимании текстовых категорий является неоднородность критериев, выделяемых учеными для определения категориального аппарата текста как языкового явления. Так, И.Р. Гальперин приходит к выводу, что «грамматическая категория – одно из наиболее общих свойств лингвистических единиц вообще или некоторого их класса, получившее в языке грамматическое выражение» [Гальперин, 1977, с. 523]. Данное определение можно считать достаточно адекватным отражением сложившейся в лингвистике практики употребления термина «категория». Действительно, говоря о категории, обычно имеют в виду определенное свойство, определенную характеристику той или иной единицы, состоящую в наличии или отсутствии у нее того или иного значения и средств его выражения. Однако существует другая точка зрения на текстовые категории. В работах О.И. Москальской, Е.А. Реферовской, М.П. Ионицэ текстовые категории рассматриваются как функционально-семантические категории, под которыми понимается группа «языковых средств разных уровней, взаимодействующих друг с другом, которые обладают общими инвариантными семантическими функциями» [Реферовская, 1989, с. 34].

Выделение текстовых категорий может основываться и на признаке соотношения текста с экстралингвистической действительностью. В этом случае лингвистическая категория текста – это совокупность языковых средств для выражения определенных инвариантных семантико-функциональных лингвистических значений, коррелирующих с отношениями объективной действительности (или денотативной ситуацией) [Кожина, 1987, с. 36]. Таким образом, понятие «лингвистическая категория текста» в специальной литературе имеет разные значения. По-нашему мнению, под лингвистической категорией текста понимаются интуитивно воспринимаемые признаки текста, получающие статус грамматических категорий [Малычева, 2003, с. 43].

Несмотря на различия в категорийном аппарате, большинство лингвистов указывают на то, что смысл текста гораздо шире составляющих его единиц (предложений, сложных синтаксических целых), и с этим не-

льзя не согласиться. Таким образом, наличие категории имплицитности признается априорно. Не вызывает сомнения и тот факт, что категория имплицитности носит двойственный (интегрированный) характер: находится в сфере содержательной, семантической стороны текста, с одной стороны, и структурной, с другой. Способность текста иметь имплицитный потенциал является одним из его основных признаков. Таким образом, под категорией имплицитности лингвистами понимается асимметрия плана содержания и плана выражения, когда содержание мысли оказывается гораздо шире своего выражения в языковых единицах.

Мы рассматриваем категорию имплицитности с позиций когнитивной лингвистики. В основе категории имплицитности лежат когнитивно-мыслительные (предтекстовые) операции. Проецирование когнитивных знаний на язык (соответствующие языковые единицы) характеризуется значительным редуцированием речевых усилий. Это обусловлено, в первую очередь, свойством человеческого мышления оставлять без эксплицитного выражения те знания о реальном мире, которые находятся в фонде общечеловеческих знаний, или знаний, образующих концептосферу того или иного народа, а также знаний, восстановление которых в случае коммуникативной неудачи возможно посредством операций логического вывода. Так, Т.А. ван Дейк в книге «Язык. Познание. Коммуникация», посвященной рассмотрению теории дискурса, писал, что «...при наличии последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условиям интерпретации» [Дейк, 1989, с. 69]. Наличие и осуществление в сознании предтекстовых когнитивно-мыслительных операций, находящих имплицитное выражение в готовом высказывании, является условием эксплицитного построения синтаксических единиц. При этом когнитивно-мыслительным операциям, связанных с выведением смысла на основе жизненного опыта и экстралингвистических знаний, соответствует предтекстовая категория «пресуппозиция», а когнитивно-мыслительным операциям, связанных с логическими исчислениями, – «презумпция». Таким образом, под категорией имплицитности мы понимаем формы мыслительной деятельности, связанные с жизненным и практическим опытом говорящего (фоновыми знаниями) или результатом логического мышления (построения силлогизмов и опущение, элиминация общей или частной посылок), которые не проецируются в тексте полностью.

С учетом данного разграничения языковыми проекциями типов когнитивно-мыслительных операций выступают синтаксические конструкции с имплицитными звеньями на основе пресуппозиции и презумпции.

Среди пресуппозиций самым распространенным видом являются пресуппозиции «общежитийские знания», в теории дискурса обозначаемые как фрейм. Фрейм организуется вокруг некоторого ядра и поэтому содержит информацию, ассоциирующуюся с данным ядром [Маслова,

2004, с. 47]. Приобретенный жизненный опыт позволяет не эксплицировать в тексте те знания, которые присущи всему социуму. Соответственно при порождении текста данная информация содержится в сознании говорящего, но не находит своего эксплицитного выражения в законченном произведении. Например: *Публика от прилавков обернулась и почему-то с изумлением поглядела на говорившего, хотя хвалить магазин у того были все основания. Сотни штук ситцу богатейших расцветок виднелись в полочных клетках. За ними громоздились миткали и шифоны и сукна фракные. В перспективу уходили целые штабеля коробок с обувью, и несколько гражданок сидели на низеньких стульчиках, имея правую ногу в старой потрепанной туфле, а левую – в новой сверкающей лодочке, которой они и топали озабоченно в коврик* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*). С учетом ассоциаций, связанных с фреймом «магазин», описываемая ситуация представляется непротиворечивой и не требует дополнительных пояснений в отношении развертывания компонентов данного фрейма. Данные ассоциации выступают как необходимые предтекстовые фоновые знания, позволяющие элиминировать пропозиции, связанные с описанием и основным назначением понятия «магазин».

Любое информативное содержание наиболее полно раскрывается на базе текста, а соответственно, и сложного синтаксического целого как единице текста, способной представить ту или иную ситуацию и обладающей основными признаками текста. Элиминация пропозиций характерна для сложных синтаксических целых с сочинительным союзом, которые с учетом предтекстовых когнитивно-мыслительных операций подразделяются на две большие группы: с имплицитным звеном на основе пресуппозиции и с имплицитным звеном на основе презумпции.

При переходе от умственной ситуации к тексту автор текста решает задачу о соотношении эксплицитно и имплицитно передаваемой информации, компоненты, представляющиеся автору текста малозначимыми (хотя и обязательно входят как составная часть в ситуацию) или представляемые реципиентом как легко восстанавливаемые из содержания эксплицированных компонентов, могут быть свободно опущены. Эти имплицитные компоненты не мешают созданию текстового единства, так как имплицитное можно легко реконструировать, если оно включено в фоновые знания реципиента. Например: *Как-то раз Азазелло навестил его и за коньяком нашептал ему совет, как избавиться от одного человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*). В данном сложном синтаксическом целом с сочинительным союзом **и** имплицитно выражены следующие пропозиции: «навестить человека», «посоветовать ему что-то», «выслушать совет», «прийти домой», «решиться на преступление», «последовать совету», «вызвать зависимого от тебя

человека» и т.д. При этом сочинительный союз **и** является маркером вербально невыраженной ситуации. Подобные сложные синтаксические целые строятся на основе макроправила «опущение», которое предполагает, что ряд пропозиций может находиться в базе знаний пользователя языка (любого или конкретного лица).

Однако стоит отметить, что в подобных сложных синтаксических целых (и в тексте) в этом случае нет никакой «компрессии информации», а есть лишь «компрессия языковой формы» (номинализация, свертывание структур) [Кривоносов, 1996, с. 589]. Если бы действительно имела место «компрессия информации», которую надо понимать как «редукцию, элиминацию» некоторой информации, то в исходном синтаксическом построении невозможно было бы увидеть пропозиции, приведенные в примере выше, – «навестить человека», «посоветовать ему что-то», «выслушать совет», «прийти домой», «решиться на преступление», «последовать совету», «вызвать зависимого от тебя человека»: эти пропозиции уже существуют в исходном сложном синтаксическом целом в виде свернутых структур. Поэтому они сохранились и в развернутых предложениях, но в более полной, эксплицитной, т.е. субъектно-предикатной форме (подлежащее – сказуемое – второстепенные члены). Произошло лишь восстановление языковой формы выражения пропозиции. Данный процесс можно охарактеризовать как компрессию текста. При этом именно сочинительные союзы играют важную роль в экспликации элиминированных пропозиций. По мнению А.Т. Кривоносова, и с этим нельзя не согласиться, если все преднамеренно свернутые «тупиковые» информации (в том числе и в целях художественного описания) преобразовать в обычные субъектно-предикатные пропозиции, то мы не получим художественного произведения [там же, 590]. Объем текста значительно возрастает, будет однообразным в синтаксических построениях. Свертывание пропозиций надо связывать не с компрессией информации, а со стремлением к краткости языковой формы, разнообразию синтаксических построений со стремлением избежать однообразия. Число предложений всегда меньше их пропозициональных содержаний. Поэтому явление компрессии, уплотнения вербального состава текста – одна из существенных характеристик текста. Например: *Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. **И** вот теперь редактор читал поэму нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Ср.: Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. **Редактор прочитал поэму, нашел в поэме ошибки, назначил поэму встречу, редактор и поэт встретились. И вот теперь***

редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта. Имплицитно представленные пропозиции – «редактор прочитал поэму», «нашел в поэме ошибки», «назначил поэту встречу», «редактор и поэт встретились» делают текст более динамичным, позволяют избежать повторов, делающих синтаксические конструкции громоздкими. С учетом этого в работах лингвистов в области «языка и мышления» признается тот факт, что мышление реализуется не только в непосредственных формах языка, но и опосредованно – косвенно, «между строк», между строго определенными словами и строго определенными предложениями. И сложное синтаксическое целое как единица, наиболее полно характеризующая текст, позволяет определить так называемые два «этажа» текста: мысль, выраженную явно, и мысль, выраженную неявно.

В сложных синтаксических целых с имплицитным звеном на основе презумпции элиминированными оказываются части силлогизма. В основе процесса мышления лежат не только простые суждения, но и в большей степени умозаключения, представляющие собой более сложные формы мысли. Любой силлогизм всегда состоит из трех суждений: большей посылки, меньшей посылки и заключения. Ни дедуктивные, ни индуктивные логические исчисления невозможны при отсутствии хотя бы одного из звеньев силлогизма. Но в естественном языке одно логическое звено всегда отсутствует, так как умозаключение реализуется в тексте посредством энтимемы. При этом любая энтимема, выраженная формами естественного языка, всегда строится по правилам одного из модулей, так как логическая связь в энтимеме осуществляется неосознанно, автоматически, без языковой опоры, т.е. так, как будто элиминированное звено выражено вербально и присутствует в языке фактически. Это объясняется одним из свойств человеческого мышления – способностью сохранять элиминированное суждение без языковой опоры, но зримо для реципиента, владеющего тем же естественным языком. Например: *Он перевел взгляд повыше и разглядел фигурку в багряной военной хламиде, поднимающуюся к площадке казни. И тут от предчувствия радостного конца похолодело сердце бывшего сборщика (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).* Данное сложное синтаксическое целое содержит два элемента категорического силлогизма: меньшую посылку – «он перевел взгляд повыше и разглядел фигурку в багряной военной хламиде, поднимающуюся к площадке казни» и заключение – «от предчувствия радостного конца похолодело сердце бывшего сборщика». В тексте не выражен эксплицитно тот отрезок, которому соответствует большая посылка – «к площадке казни поднимаются, чтобы прервать мучения распятых». Союз **и** сигнализирует о наличии презумпции.

Более распространенными в речи являются сложные синтаксические целые, реализующие первый вид энтимемы, т.е. с имплицитным пре-

зумпционным смыслом – содержанием большей посылки силлогизма – общего суждения. Это вызвано тем, что, как правило, в качестве большей посылки выступает пресуппозиция «общежитейские знания», которая формируется на основании жизненного опыта – по ассоциациям со сходными явлениями.

Таким образом, в качестве когнитивных основ категории имплицитности в тексте выступают предтекстовые категории пресуппозиции и презумпции. При этом выраженные в готовом произведении имплицитно они служат необходимым условием эксплицитного построения языковых единиц.

Литература

1. *Гальперин И.Р.* Грамматические категории текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1977. № 6.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. *Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. *Кожина М.Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. № 2.
5. *Колшанский Г.В.* О языковом механизме порождения текста // Вопросы языкознания. 1983. № 3.
6. *Кривоносов А.Т.* Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке. М.; N.Y., 1996.
7. *Лосева Л.М.* Как строится текст. М., 1980.
8. *Мальцева Н.В.* Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. Ростов н/Д, 2003.
9. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск, 2004.
10. *Москальская О.И.* Грамматика текста. М., 1981.
11. *Реферовская Е.А.* Коммуникативная структура текста. Л., 1989.